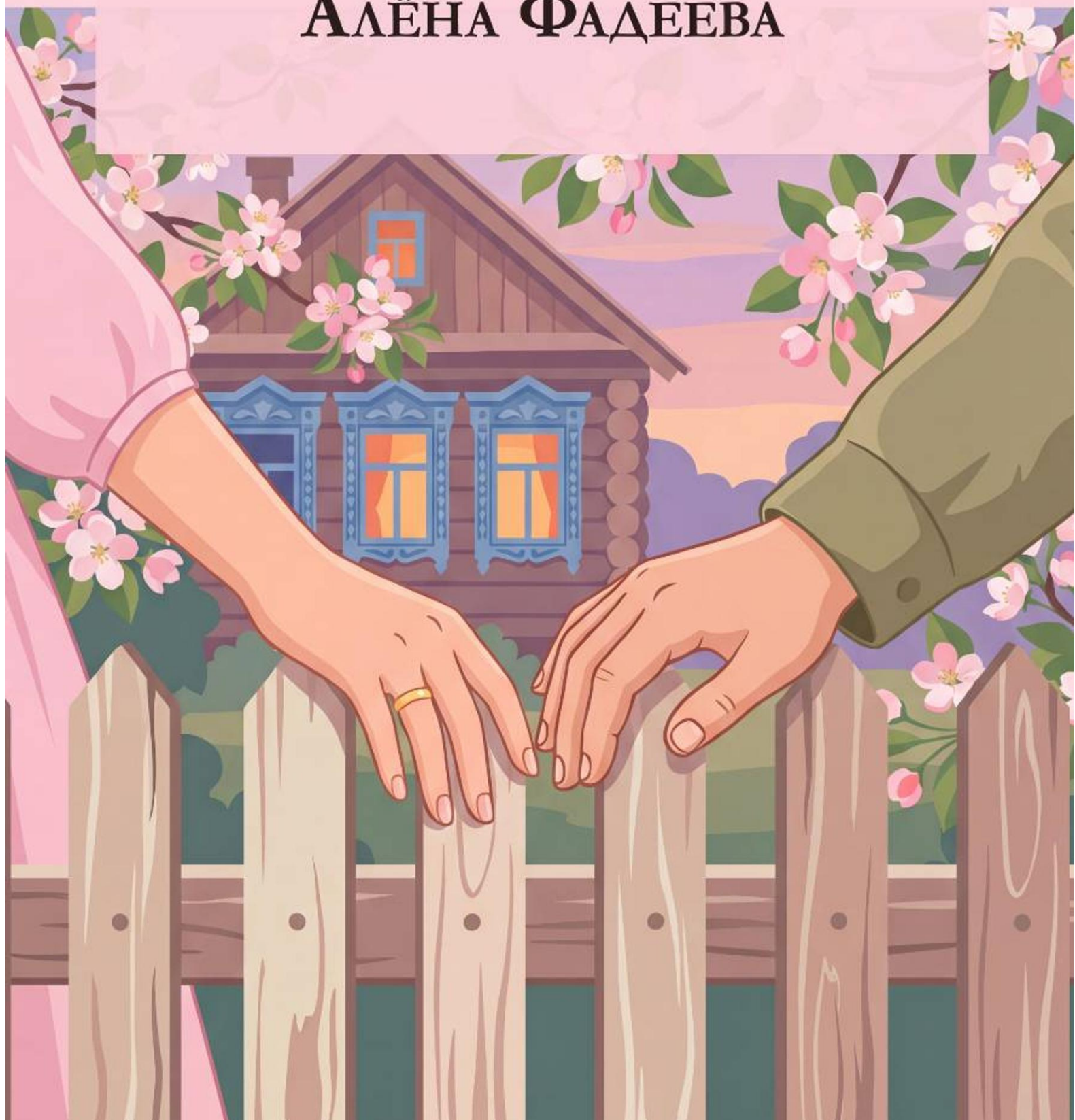

АЖЮТА

АЛЁНА ФАДЕЕВА

Русское сердце

Алена Фадеева

Анюта

«Автор»

2026

Фадеева А.

Анюта / А. Фадеева — «Автор», 2026 — (Русское сердце)

Анна — успешная москвичка, запертая в идеальном, но фальшивом браке. Павел — деревенский учитель с разбитым сердцем и талантом, буквально зарытым в землю. Они ненавидят друг друга с первой встречи у старой водоразборной колонки. Он считает её избалованной пустышкой, она его — неотесанным хамом. Но одно случайное пари на сцене сельского театра меняет всё. Анна должна сыграть главную роль в самодеятельном спектакле по Чехову. Но чем ближе премьера, тем тоньше грань между игрой и настоящей страстью. У них есть целое лето. Для нее, чтобы найти себя. Для него, чтобы снова поверить в любовь.

© Фадеева А., 2026

© Автор, 2026

Алена Фадеева

Анюта

Глава 1. Иллюзия присутствия

Иллюзия присутствия

Анна.

Туалет их офиса в башне «Федерация», где-то между сороковым и пятидесятым этажами, видел немало девичьих слез. Юля, эта молоденькая сотрудница двадцати четырех лет, три месяца назад закончившая магистратуру, не будет ни первой, ни далеко не последней.

Еще полчаса назад она стояла посреди небольшой переговорной, и плакала тихо, с достоинством, стирая слезы костяшками дрожащих пальцев. В этом кабинете, с видом не самым привлекательным (окна его смотрели прямо на соседнюю башню), их было трое: Олег Евгеньевич, начальник департамента управления рисками, Анна Алексеевна Большакова, старший менеджер их подразделения и непосредственный начальник Юлии, и сама провинившаяся, неуверенно пытающаяся объяснить досадную ошибку.

Она не знала, кого ей бояться больше: Олега Евгеньевича, что тихо постукивал карандашом по стеклянному столу, или Анну Алексеевну, которая сидела в своём графитовом костюме, закинув ногу на ногу, и смотрела на неё с хищным выражением лица. Юле стало ясно, что перед тем как вызвать её, Анна Алексеевна и сама выслушала все претензии к работе её отдела.

– Юлия, вы понимаете, что из-за вашей ошибки, удачно выявленной Анной Алексеевной, – он посмотрел в сторону коллеги, – работа, которая велась ни один месяц, могла...

– Пойти коту под хвост, – закончила за него Анна. Она не стала подбирать более подходящих слов.

– Юлия, Анна Алексеевна не обязана была видеть эти документы, вы это понимаете? Она же ваш наставник, куратор, а не нянька, чтобы перепроверять ваши «домашние задания».

– Олег... – Анна мягко дотронулась до локтя начальника. Они проработали вместе уже много лет, и она знала, что этот жест не вызовет у него возражений. Она также понимала, что Олег Евгеньевич любил проводить такие показательные разборы, когда новичок впервые допускал ошибку. Когда-то она сама была на месте Юлии, но тогда не проронила ни слезинки. Годы, проведенные в ее семье, научили стойко принимать любую критику.

Олег Евгеньевич еще пару минут просто смотрел на Юлию, прежде чем снова заговорил:

– Идите. Исправляйтесь. Но если будет ещё одна ошибка – я подумаю над тем, что бы перевести вас для работы в отдел аутсорсинга учетных функций. Там и работа попроще, но и рост ваш заметно замедлится.

– Понятно, – прошептала Юля. – Извините.

– Идите.

Юлия медленно повернулась на каблуках и поторопилась покинуть это светлое, но такое давящее пространство.

– Олег, – Анна поставила ноги вместе и сосредоточила взгляд на стыке двух плиток керамогранита, – ты зря так ополчился на бедную девочку.

– Знаю, – он отшвырнул карандаш в сторону и посмотрел на Анну, – но ты понимаешь, что будет, если дать слабину.

– Да, я это отлично знаю. Если бы я не училась на своих, признаться честно, многочисленных ошибках, я бы не сидела сейчас здесь.

Анна подтянулась на руках, поднимаясь с кресла. Ей не требовалось разрешения Олега, чтобы уйти. Колени предательски заныли – она давно не ходила на тренировки, а носить высокие каблуки становилось все труднее. Олег Евгеньевич окликнул ее почти у самой двери.

– Ань, по поводу повышения...

Анна обернулась и посмотрела на него долгим, но немного усталым взглядом.

– Я думаю, месяца через три меня повысят, и... Ань, не ошибись с теми, кто переедет с тобой на этаж выше.

– Кофе-машину заберёшь? – она улыбнулась легкой и очаровательной улыбкой, на которую была, как ни странно, еще способна.

Анна вышла из кабинета и, свернув за угол, зашла в просторный женский туалет. Остановилась у одной из раковин и посмотрела на своё отражение в узком зеркале. На нее смотрела женщина, которая, несмотря на молодость, уже была опытна и не так наивна. Дорогой костюм, шелковая блузка фисташкового цвета, идеально выпрямленные длинные русые волосы, безупречная осанка. Несколько морщин на лбу и у носа, которые она уже давно хотела исправить с помощью инъекций. Осенью обязательно...

За дверцей одной из кабинок послышались всхлипывания. Анна застыла, чтобы ничем не выдать свое присутствие. Она знала, что там находится Юля и мысленно проклинает и Олега, и ее саму. Что ж, она, наверное, это заслужила. Ведь все знали, кто был «королевой этого стеклянного муравейника». Анна Алексеевна Большакова. Дочь «стального гиганта» Сергея Большакова, что уже три года скрывался от всех на Кипре со своей молодой женой. Жена финалиста очередного песенного шоу на центральном канале Петра Славина. «Мисс «Самый престижный университет Москвы» 2010». Женщина умная, в меру красивая, удачливая, а главное – богатая. И плевать, что все вокруг ее боятся, прячут взгляд, когда она проходит рядом, шепчутся о ней в кафетерии и боятся обращаться напрямую. Плевать, ведь даже если завтра все это здание упадет в Москву-реку, единственным чувством, которое она испытает, будет облегчение. Что это – тотальная усталость, дефицит железа или скука, которая накрыла ее пару месяцев назад, после празднования Нового года? И на вопрос «Что делать с этим?», у Анны пока не было ответа.

Она решила больше не смущать бедную девочку, затаившуюся в кабинке, вышла из туалета и уверенным шагом пошла по длинному коридору в сторону кабинета. Приложила пропуск к магнитному замку, тяжелая дверь из матового стекла бесшумно закрылась, отрезая ее от корпоративного гула. Она сделала пару шагов и, скинув свои дорогие туфли-лодочки, плюхнулась в кожаное кресло. Анна закрыла глаза, но все еще чувствовала на веках солнечный свет, что падал в большое окно. Где-то там внизу раскинулась Москва – огромная, светливая, чужая.

Открыла глаза. Взяла в руки мышку. Черный экран ожил, и на мониторе появилась очередная белая таблица. Она запустила пальцы в волосы и немного потёрла виски, пытаясь взбодриться. Там, за дверью, шла обычная офисная жизнь. Марина жевала салат из контейнера, и хихикала, глядя в телефон; в дальнем углу опенспейса Дима, один из младших менеджеров их подразделения, громко разговаривал с клиентом, уверяя, что отчет по его вопросу будет выполнен в срок; у прохода Света выщипывала брови, прикрываясь папкой, когда кто-то проходил мимо.

Обычный вторник. Обычная жизнь.

Но почему Анне так хочется забраться на высокий мост и сигануть в холодную воду, чтобы снова почувствовать себя живой?

Домой она добралась только к девяти вечера. На бесшумном лифте поднялась на самый верхний этаж дома, что выходил фасадом на Нагатинский затон. Анна повернула в замке ключ и потянула на себя тяжелую входную дверь.

«Умный дом», уловив ее шаги, включил тусклый контурный свет в коридоре и на кухне.

– Петя? – позвала она мужа, небрежно сбрасывая туфли на пол.

Дома тихо. Гостиная пуста. Не было Петра и в кабинете. Кухонный остров сиял чистотой. Ее никто не ждал.

Желудок резко свело от голода – за весь день она выпила всего лишь три чашки кофе, а на обед проглотила несколько ложек поке. Желания готовить и даже заказывать еду, не было. Все это казалось таким же бессмысленным, как и очередные отчеты или редкие звонки отца.

Анна набрала в стакан воды, выдвинула верхний ящик одной из тумб и достала начатый блистер с лекарством. Без этой «химии» в последнее время ей не удавалось заснуть. До того как снотворное начнет действовать, остался час.

Быстро приняв душ, надела на прохладное тело шёлковую пижаму, легла на свою половину большой кровати и закрыла глаза, ожидая, что таблетка наконец-то подействует. Но в ту же секунду по пустой квартире разнесся щелчок дверного замка, и в щель между дверью и полом проникла тонкая полоска света. В коридоре послышались шаги.

Петр постарался как можно тише войти в комнату, но Анне всегда казалось, что он приносит с собой шум чужих праздников. Сегодня от него сильно пахло сигарами, хотя он никогда в жизни не курил и не пил – берёт драгоценные связки.

– Анюта, ты спишь? – он расстегнул браслет часов, положил их на тумбочку и начал снимать рубашку.

– Нет. Пока нет, – Анна подтянулась на локтях. Голова у нее уже немного потяжелела, движения стали неторопливыми, но внутри вдруг проснулась острая, почти отчаянная потребность в его тепле.

Анна переползла на его половину кровати и скользнула руками по его спине, когда он сел на край кровати. Ей захотелось, чтобы он просто обнял ее, сжал в крепких руках и своим низким и обворожительным голосом спросил у нее о чем-то простом, например, как у нее прошел сегодняшний день. Чтобы он просто лег на нее, придавил своим крепким телом и побыл ее мужем Петей, а не Петром Славиним, звездой очередного корпоративного вечера, откуда он только что вернулся.

– Ань, давай не сегодня. Я устал. Завтра сложный день, много дел.

Он встал с кровати, ускользнул из ее объятий.

«Как всегда», – подумала Анна. Но вслух лишь добавила:

– Что-то определенное?

– Да. Надо будет собраться. У одних ребят заказ слетел, надо подхватить, – громко проговорил он уже из ванной. – Послезавтра надо лететь в Омск. Вернусь в понедельник.

– В Омск? – переспросила Анна, опустившись лицом на холодную простынь.

Но Петр не ответил. Зашумела вода. Анна вернулась на свою половину кровати, взбила пуховую подушку и удобно уложила ее под шею.

Через пятнадцать минут вернулся муж, лег в кровать, повернулся спиной и быстро уснул. Его легкое дыхание с тихим присвистыванием заполнило тишину.

Снотворное почти парализовало тело. Ноги стали ватными, руки расслабились, но мозг все еще продолжал работать. Анна слушала дыхание мужчины, с которым она жила уже десять лет. И задавалась лишь одним вопросом:

– И что дальше?

Павел

Он надвинул на нос очки для чтения с тонкой оправой, и водрузил перед собой большую стопку тетрадей, перетянутую канцелярской резинкой. В кабинете, куда заглянуло послеобеденное солнце, становилось жарко. Но Павел знал: как только он распахнет окно, стайка его коллег опять начнет жаловаться, что им холодно и закутается в свои вязаные шали.

Здесь, на втором этаже старого здания, в этом светлом небольшом кабинете с пожелтевшими от времени и света обоями, с десятками комнатных цветов на шкафах, на которых слой пыли образовывался так быстро, что их не успевали протирать, стоял тихий покой, настоящий на чае с чабрецом. Иногда этот покой нарушался, как сейчас, громким залиvistым смехом то Надежды Валерьевны, то Екатерины Евтроповны. Сейчас они сидели за одним столом с единственной молодой учительницей в их общеобразовательной школе – Ольгой Леонидовной, разбирали тетради и документы, пили чай с терпким привкусом местной воды и бросали редкие жалостливо-оценивающие взгляды на Павла. Это теперь он знал – так замужние женщины смотрят на закоренелых холостяков.

Павел демонстративно кашлянул, чтобы дать понять присутствующим дамам, что он замечает все их знаки внимания. Потянул пиджак за рукава, снял его и положил поперёк спинки стула. Поправив упавшую на глаза прядь темных волос, он закатал рукава рубашки и вновь погрузился в чтение сочинений.

– Паша, – тихо позвала его Надежда.

Он не отреагировал. Не потому что не расслышал, как она вкрадчивым голосом произнесла его имя, а потому что знал, что последует за этим обращением.

– Пашенька, – Надежда наклонилась перед ним так, чтобы их лица были на одном уровне.

– Давно не виделись, Надежда Валерьевна, – Павел так и не поднял взгляд от тетрадей.

– Тебе разве не говорили, Павел, что вешать пиджак нужно за плечики, а то заломы будут.

– Я так понимаю, – он почувствовал, как она положила руку ему на спину и стащила со спинки стула свернутый пиджак, – обсуждение моего гардероба – это лишь предлог начать очередной пустой разговор. – Он, наконец, поднял на всех трех женщин взгляд. – Хотите, я угадаю, к вам приезжает ваша племянница?

Оля невольно хихикнула. Павел позволил себе улыбнуться, и вокруг его серых ярких глаз собрались редкие, но уже заметные лучики морщинок.

– Смейся-смейся, Паша, – покачала головой Екатерина Евтроповна. – Тридцать восемь лет мужику, а он все с отцом живет. Умный, видный, непьющий – редкость, во все времена. А живешь все бирюком. Школа да дом, дом да школа. Столько лет танцы ведешь в клубе, а девчущку себе так и не нашел.

– А может им нужно то, чего у меня нет?

– Это чего же? – Надежда Валерьевна пристально посмотрела на него.

– Желания.

Все замолчали, но минуту спустя Екатерина Евтроповна наконец-то ответила.

– На, дак, возьми откуда-нибудь это желание.

– Сейчас, дамы, я желаю лишь тишины, – он попытался отшутиться, – и чтобы Фадеев из седьмого, наконец, выучил, чем метафора отличается от эпитета.

В этот раз у него получилось перевести тему. Но уже через час, выйдя из учительской, Павел ощутил неловкий укол совести. Они были правы, во всем. Его жизнь давно стала предсказуемой, в том и было ее главное преимущество – никаких сюрпризов. А для спонтанности совсем скоро найдется повод, и для этого уже пора было предпринимать первые шаги.

Он спустился на первый этаж, его шаги эхом отражались от пустых стен, завернул у кабинета директора налево, и толкнул тяжелую деревянную, обитую дерматином дверь школьной библиотеки.

Он подошел к столу, где Вера Ивановна, что-то активно заполняла в компьютерной таблице.

– Опять мониторинг, очередной, как же они...

– Добрый день, я пройду?

– Да, Пашенька, проходи. Будешь братъ?

– Да, и если быть честным, – Павел оперся на высокий стеллаж. – Хочу забрать на лето?

Дадите?

– Тебе ли спрашивать, Павел Николаевич.

– Спасибо, – он резво хлопнул в ладоши и опустился на корточки, ему нужны были книги на букву «Ч». – Я всегда знал, что с вами можно договориться.

– «Три сестры»?

– Нет, – коротко ответил Павел, губ коснулась легкая улыбка.

– «Дядя Ваня»?

– Снова нет, – он знал, что за игру ведет Вера Ивановна. Они играли в нее каждый раз перед летними каникулами.

– Ну, тогда я не знаю, – Вера Ивановна повернулась к нему лицом. – «Вишневый сад» был четыре года назад.

– На этот раз мне придется поработать самому, а не полагаться полностью на Антона Палыча. – Павел поднялся, держа в руках тонкий томик с рассказами Чехова.

До дома минут пятнадцать-двадцать пешком. Проскользнуть между домами, обогнуть старый пожарный пруд, спуститься по старой тропе, а затем немного подняться, пройти мимо дома Морозовых, чтобы за углом...

– Пап, – его голос прозвучал резче, чем он того хотел, – Ты опять?

Павел тяжело вздохнул, бросил свой портфель на лавочку у немного покосившейся калитки и положил локти на забор.

Его отец Николай Звонарев, стоя на коленях, прибивал свежую доску к прогнившей ступеньке крыльца.

– Снега было много, доску повело. Если не укрепить, крыльцо со временем завалится.

Павел скользнул взглядом по соседскому участку. Одноэтажный дом с занавешенными окнами и выцветшими наличниками стоял пустым уже несколько лет. После смерти прежней владелицы, которую Павел знал под именем «тетя Нюра», наследники сгинули где-то в столице, оставив после себя лишь зарастающий бурьяном огород. Павла совершенно не волновала бы судьба этой развалюхи, если бы не одно «но».

– Да пусть оно хоть под землю провалится! – Павел распахнул калитку, подходя ближе. Внутри него кипела бессильная ярость. – Мы сколько раз уже говорили об этом, а ты опять горбатишься на чужом участке.

– Дом живет, пока за ним приглядывают, – упрямо буркнул Николай, пытаясь подняться. Павел тут же подхватил его под локоть, помогая встать.

– У этого дома есть законные наследники! – отрезал Павел. – Которым абсолютно плевать и на эти стены, и на это чертово крыльцо, и на то, что их пожилой сосед, по доброте душевной, нанялся к ним бесплатным разнорабочим. Бросай инструмент, пойдем домой.

– Не горячись, Паш, – Николай отвел глаза, пряча инструмент в ящик. – Мало ли дел у людей. Жизнь штука сложная.

– А мне кажется, пап, что жизнь предельно проста. Если хочешь, то приезжаешь и делаешь. Нет – берешь и бросаешь. Всё. Хватит жить прошлым.

Он почти силой увел отца с участка. Внутри у него все кипело. Ему было невыносимо больно смотреть, как отец, раз за разом возвращается в дом Морозовых, возвращается в свое прошлое, у которого было женское имя – Лариса.

Зайдя к себе, Павел никак не мог успокоиться. Нет, он злился не на отца, а на ту неизвестную ему столичную престарелую фифу, которая, даже не появившись здесь за последние три года, заставляла отца беречь старые раны.

Он прошел в комнату отца, выдвинул ящик комода, где хранились квитанции, и, быстро перебрав бумаги, нашел нужную ему записку. На обычной белой бумаге ручкой было выведено три адреса, по которым можно было найти Ларису Морозову.

Павел сел за свой письменный стол, достал три листка бумаги и ручку. Если отец никак не хочет отпускать эту историю, он попробует ему в этом помочь.

Почерк у него был твердый, убористый, с сильным нажимом.

«Уважаемая Лариса Ивановна!

Считаю своим долгом сообщить вам, что дом вашей покойной матери, расположенный по адресу: Калужская область, Боровский район, д. Зуевка, ... находится в аварийном состоянии. Участок зарос, постройки пожароопасны. Ваш сосед по собственной инициативе старается поддерживать порядок на вашем участке, однако это не может продолжаться вечно.

Настоятельно рекомендую вам в ближайшее время приехать и решить судьбу вашей собственности. В противном случае, во избежание штрафов, я буду вынужден обратиться в местную администрацию с заявлением о признании участка бесхозным, со всеми вытекающими юридическими последствиями.

П.Н. Звонарев».

Он перечитал письмо, получилось сухо и предельно по-деловому. Если она не приедет, Павлу придется запустить это дело в разработку администрацией. Он был уверен, что поступает правильно.

Павел переписал письмо еще дважды, сложил листы в простые конверты и аккуратно вывел на них три московских адреса, один из которых принадлежал дочери Ларисы, Анне Большаковой.